

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Сорокин Роман Валерьевич

СТИХИ

*Мы будем праздные беседы
вести в ухоженном саду,
ну и, конечно, День Победы
два раза праздновать в году.*

Когда в степи наступает ночь,
я вижу мир на манер Басё,
и воду в ступе готов толочь –
ну то есть в небо смотреть, и всё.

Весной тем паче, когда на треть
закончен год и болит душа,
не отрываясь, могу смотреть
на звёзды маленького ковша:

и путеводная на конце,
и остальные его огни
напоминают мне об Отце,
кoмy я и мой враг сродни.

Сегодня мы с тобой большие,
а завтра кончится борьба.
Нас ждёт провинция России
и скандинавская ходьба.
Нам хватит в жизни звёзд и терний.
Мы через них придём туда,
где моцион ежевечерний
и минеральная вода.
Здоровый дух в здоровом теле
отгонит злую скуку прочь,
и мы по разные постели
уйдём не спать в глухую ночь.
Под утро что-нибудь приснится:
то неизвестная река,
то облака Аустерлица,
то над Россией облака.
На завтрак будем из бокалов
пить молоко и тишину.
Для счастья нужно очень мало –
всего лишь выиграть войну.

Всего лишь выстоять у края
и стать сильнее вопреки.
А там уже «не надо рая» –
верните домик у реки,
где будем праздные беседы
вести в ухоженном саду,
ну и, конечно, День Победы
два раза праздновать в году.

Поэты очень любят Босха,
но почему он близок им?
Да потому что вынос мозга
придумал Босх Иероним.

А у меня одна картина
на загрунтованном холсте:
скупая русская равнина
в предновогодней наготе.

Нет ни дорог, ни насаждений,
лишь чёрно-белая стерня –
вот сад реальных наслаждений,
необходимых для меня.

К чему голландские уроды
полуживотных и людей,
когда в России непогоды
всех этих триптихов лютей?

Бояться выдумки – не дело,
и смерть по факту не страшна:
сперва метёт остервенело,
а после – снова тишина.

Зияет ночь, скрипит берёзка,
перед тобой не видно зги,
и никаких чудовищ Босха,
способных вынести мозги.

Мой север безутешен,
юг излишен.
Варенье из черешен,
сок из вишен.

В лесах кусты густые,
в поле – пусто.
Страна моя – простые
щи с капустой.

Пути мои разбиты,
воды вешни,
вороньи гнёзда свиты,
а скворешни

сколочены для песен
и для жизни.
И ты уж будь любезен –
зубы стисни.

Свистит ноябрьский
ветер в голой роще.
Не жить на этом свете
было б проще,

но я люблю варенье
из черешен
и сок из вишен,
пенье из скворешен...

Марку Лешкевичу

Давай поделим нашу с тобой страну:
Тебе Западную, мне – Северную Двину,
Тебе Восточно-Сибирское плоскогорье,
А мне – Северное Ледовитое взморье
И тундру от Нарьян-Мара до Воркуты,
И горы Уральские, уж очень они круты.
Всё это я утащу на своём горбе,
А то, что осталось – можешь забрать себе.
Нет, пожалуй, ещё заберу с собой
Чёрное море, мне дорог его прибой.
Что там тебе осталось? Всего полно:
Этюд Левитана, суриковское полотно,
Берёзы Куинджи, саврасовские грачи,
Всякие там Иваны, Емели,
лежащие на печи,
В прорубях – миллионы умных зелёных щук,
И поезд из Сталинграда,
чихающий: «Чух-чух-чух...»

Поделим и будем с тобою хранить в душе
Лапти и самовары (кто-то сказал: «клише»),
Валенки и морозы, щедрость и героизм,
Вечное всепрощение

(кто-то сказал: «трюизм»),
Вербное воскресенье, онегинскую строфу,
Нашего президента (чья-то гримаса: «фу»).
В общем и целом, всё, что лежит вокруг –
Наше и только наше,

верный мой ватный друг.
Время летит в сверкающей русской мгле –
Лучшего скарба нету на всей Земле.

Всякий, кто вырос добрым, честным
и кто не глуп,
Носит круглогодично этот простой тулуп.

Много всего в России,
каждому по чуть-чуть.

Надо лишь в лучшем виде
это потом вернуть.

не надо фантазий
но вообрази
как дед афанасий
идёт по руси

на фоне заката
чернеют поля
заботливо сжата
родная земля

пылают зарницы
немееет река
вечерние птицы
летят в облака

а он всё шагает
да ягоды ест
и всё понимает
про мценский уезд

где разные вещи
о крае родном
слагает помещик
поэт-агроном

и если пригубит
то будучи пьян
жалеет и любит
несчастных крестьян

которые бедно
живя в кабале
проходят бесследно
по горькой земле

и как тритикале
пшеница сиречь
готовы в финале
в озимые лечь

чтоб в новом сезоне
опять прорасти
и быть на ладони
у неба в горсти

но я не об этом
об этом потом
хочу быть поэтом
с гусиным пером

в пределах имения
слоняться в саду
и стихотворенья
слагать на ходу

о чувствах высоких
и птичках лесных
о зеленооких
особах иных

и жизнь подытожив
в последней строфе
без страха и дрожи
уснуть на софе

не время для басен
но басен и нет
однако прекрасен
загадочный дед

пускай он шагает
да ягоды ест
и всё понимает
про мценский уезд

Прочти стихи с эпитафией из Фета,
а может быть, и Фета самого.
Конечно, Фет – не мятная конфета,
но тоже освежает ничего.

Когда нас бьют и сталкивают лбами,
нам не давая мирно созидать,
необходимо из кровавой бани
в предбанник выйти, чтобы подышать.

Хотя стихи возвышенного Фета
и не спасут вселенную от бед,
поборником естественного света
является забытый нами Фет.

И если у тебя сейчас одышка
и ужас пробирает до кишок –
тебе поможет маленькая книжка
и самый незатейливый стишок.

Когда летит кровавая комета
и кажется, что мир сошёл с ума, –
открой простую лирику поэта,
прочти её – и растворится тьма.

Среди огня и стука наковален
(куётся мир, разрушенный грехом)
ты, так же как и я, сентиментален –
нет-нет да и заплачешь над стихом...

Что от рождения до смерти
успел увидеть человек
на обязательном концерте?
Траву и солнце, дождь и снег,
подъезд хрущёвки, проходную,
сберкассу, кладбище и проч.
И вот теперь он одесную
сидит и хочет нам помочь
определиться с тем, что тщётно,
а что бессмертно на земле.
Но эта помощь незаметна,
как эти крошки на столе.

Так и живём свою земную,
другого счастья не ища:
идём, уставшие, в пивную
и пьём хмельное под леща,
ругаем бывшего генсека,
клянём тупую молодёжь
и всё, что есть у человека:
траву и солнце, снег и дождь.

еду я на электричке
место выбрал у окна
а за ним летают птички
и вращается страна

переменчивая ясность
дождик солнечный прошёл
до чего же распрекрасно
невозможно хорошо

зацепилась за пантограф
тучка – счастье моё
не люблю кинематограф
за сопливое нытьё

тяжела судьба паяца
я к несчастью знаю сам
как приходится кривляться
стыд испытывать и срам

то ли дело по железке
в переделкино катить
ни в сценарии ни в пьеске
этот путь не воплотить

пастернаковские сосны
золотятся наверху
никогда любить не поздно
говорю как на духу

пусть кривляется ребята
местечковый аль пачи
и по площади с плакатом
ходит с криками почти

он не вкуривает просто
не допетривает он
что мы братья все и сёстры
что росгвардии омон

что политик крутолобый
что военный да любой
человечек хочет чтобы
миром правила любовь

я со всем что за окошком
чую кровное родство
ах железная дорожка
чудо сказка волшебство

позади господня осень
впереди его зима
всё прекрасно только очень
поглупела синема

Где порвётся киноплёнка,
Там и кончится кино.
На Востоке слишком тонко,
А на Западе темно.

На Востоке больше солнца,
На Восток течёт Янцзы.
Но где тонко, там и рвётся,
Говорили мудрецы.

И на Западе, конечно,
Есть хорошие дела.
Только там почти кромешно:
Мало света и тепла.

Ну а мы посередине.
Стало быть, закончим путь
Где-нибудь на Украине,
В Запорожье где-нибудь.

Ляжем в острую осоку
Возле берега Днепра,
Пожелав добра Востоку,
Да и Западу добра.

Лови невидимый вай-фай,
без интернета жить – не дело,
а от войны не уставай,
хотя она и надоела.

Арта грохочет на югах,
покой – на севере России.
Война у чёрта на рогах,
а мы – в кармане у Мессии.

Известно: жаловаться грех,
иначе сразу станешь жалким.
Бери пример сегодня с тех,
кто девять лет играет в салки

со смертью. Будут в ноябре
всё так же умирать герои.
На счастье, мире и добре
мы позже что-нибудь построим...

Отгремел салют, но не победный –
новогодний отгремел салют,
и Демьян (пускай он будет Бледный)
допивает выдохшийся брют.

Он любил подобные напитки,
ибо если был немного пьян,
сочинял достойные агитки
про вождей, рабочих и крестьян.

Но сегодня всё не так, как раньше:
нынче он не может отличить
истину избитую от фальши,
чтобы фальшь как следует избить.

Перед ним молочная бумага –
он готов работать на страну,
но простая грубая сермяга
от него сбегает на войну...

Когда выпадает минута досужая,
мы смотрим комедии про дураков.
«С войны не держал боевого оружия», –
открылся внезапно Семён Горбунков.

И вот на экране идёт продолжение:
Семён у окопа застыл, не дыша,
в глазах Горбункова стоит напряжение,
а палец лежит на курке ППШа.

Спина у героя всё так же ссутулена,
но вместо Семёна мы видим в кино
простого солдата – сержанта Никулина,
и нам почему-то уже не смешно.

Секунда, и снова Никулин пытается
неловко в авоську убрать пистолет.
Короче, комедия дальше играется,
но только смеяться желания нет.

Казалось бы, что нам до фильма, отснятого в эпоху застойных советских времён?
Недавно узнали: под городом Сватово погиб одноклассник наш – тоже Семён...

Вот и осень. Вот и друг мой
(бедный блоковский паяц)
заливает тёплой клюквой
мокрый плац.

Рядом мастер этой сцены,
принимая грозный вид,
по приказу Мельпомены
говорит:

«Здесь – театр военных действий
и один на всех закон:
или, брат, священнодействуй,
или – вон!»

И под русскую гармошку
(вроде тёркинской такой)
умирает понарошку
мой герой...

Позади героя задник
с речкой Северский Донец,
впереди – увядший мятник
и борец.

В стороне, из-за кулисы,
за учебною игрой
наблюдает добрый лысый
рядовой.

Он, не ведая покоя,
репетирует в состав:
знает все слова героя
и устав.

Завтра важная премьера
у безропотных ребят.
А театр – это вера,
говорят...

Капает больничный йод
в сердце Левитана,
потому что каждый год
там бывает рана.

Ни палаты, ни врача –
никакого мрака,
просто чудо Ильича –
осень Исаака.

Капли йода, рыжина –
бывшая зелёнка.
Осень – не моя жена,
а моя сестрёнка,

только без приставки «мед»
и в цветном халате.
Осень оставляет след
на живом солдате.

Всё случается не зря,
но теперь хотя бы
дотянуть до октября.
Нет. Прожить октябрь

и увидеть первый снег
праздника Покрова:
снег в России – оберег
от всего плохого.

Только русская зима –
наша ойкумена,
нас избавит от ярма
и спасёт от тлена.

Зима нас всех измучила
И хочется тепла.
Сожжём большое чучело
На площади дотла.

Быть может, и кулачные
Закончатся бои.
Идут, идут невзрачные
Ровесники мои.

На них простые валенки,
Рубахи на запя'х,
У них звезда на сталинке,
На облаке Аллах.

Они идут с победами
К невидевшим войны.
Кормите их обедами,
Пеките им блины.

Пускай гуляют павшие
За мёртвых и живых,
А смерти невидавшие
Обслуживают их.

Проклинают летний зной
римские когорты.
Третий август за спиной,
впереди – четвёртый.

А за ним ещё один –
пятый и последний.
Что осталось позади
битвы пятилетней?

Позади воды поток
в русле Рубикона
или угольный песок
сверху террикона?

Или знамя на груди,
будто кровь аорты?
Третий август позади,
впереди – четвёртый.

А за ним ещё один,
но уже с Победой.
Что же будет впереди,
после битвы этой?

Будут радости земной
жизни без излишка –
перед следующей войной
передышка...

Предосенние жаркие дни
на окраине жизни нетленной.
Даже если умрёшь, сохрани
эту точку на карте Вселенной.

Здесь, на левом притоке Десны,
только шум луговых насекомых.
Здесь не знают прошедшей войны,
а с текущей ещё не знакомы.

Но поспела степная бахча,
замолчал благородный кузнечик,
затаилась в траве саранча
и живёт ожиданием сечи.

Саранча говорит: «Я умру
за своё превосходство над братом!»
А кузнечик жалеет сестру,
но встречает её с автоматом.

Застрекочут над Сеймом луга
(этих слов не приписывай Ванге),
чтобы снова возникла дуга
и кузнечик проехал на танке.

Давай о том, что было там,
где мы оставили равнины:
там возвышался белый храм,
а нынче – серые руины.

Там было время без потерь,
там и часов не наблюдали.
А что теперь? А вот теперь
не надо этой пасторали.

Давно уже не весела,
а тяжела судьба станицы
и древнерусского села
у юго-западной границы.

Давай не будем о войне:
летит салют из преисподней
и разрывается в стране
большой, красивой, новогодней.

Пусть будет истина в вине
игристом или в мандарине.
Давай не будем о войне,
о горе, смерти, Украине.

Она не верила слезам,
но всё равно их проливала.
Давай о том, что будет там,
когда начнётся всё сначала...

Горит звезда над Палестиной,
и люди дышат под звездой:
одни сражаются с рутиной,
другие с вражеской ордой.
А Он лежит в хлеву воловьем
и озирается кругом:
архангел бдит над изголовьем,
слегка касается крылом
высоких яслей, а поодаль,
отряхивая кожухи,
стоят смущённо возле входа
евангельские пастухи.
Им далеко до фресок Джотто
и до рождественских стихов,
а нам до каменного грота
и вифлеемских пастухов.
Но «Величание» пропели
и, выпив сладкого вина,
под завывание метели
проговорили допоздна.

...Ненормативным словом «сыпет»
зовут на выселках буран,
и точно знают, что в Египет
сбежит семья, умрёт тиран,
воздастся каждому по вере,
а посему она тверда.
Но Он пока ещё в пещере,
а над пещерою звезда...

Ты не хазар, не печенег,
Ты – мой любимый брат,
Но продолжает липнуть снег
На стены баррикад.

И тяжелеет в феврале
Его липучий страх,
Пока идёт парад-алле
Пернатых в облаках.

Картина уличных боёв
Из палок и камней
Мешает видеть воробьёв,
Синиц и снегирей.

Они прекрасны без прикрас,
Одежды их пестры.
А что у нас? А вот у нас
На улицах костры.

Нам эта близкая весна
Сегодня не с руки:
У нас – гражданская война,
И ставки высоки.

В конце зимы бардак такой,
Что даже чёрт сломал лодыжку.
И по весне у нас с тобой
Надежды нет на передышку.

Уже второй по счёту год,
Как водим пальцами по карте
Да ждём наивно, что вот-вот
Февральский лёд растает в марте,

Зарянки – певчие дьячки –
Тепло споют во славу Божью
И бесконечные дички
Задышат трепетною дрожью...

Но неужели мы одни,
Кто жаждет выползти из мрака
И ждёт единственные дни
Солнцеворота Пастернака?

Удивительным образом образ войны
передал баталист Верещагин.
Ну а люди на стройке великой страны
не искали суровой сермяги.
Хоронили друзей, целовали подруг,
закрывали соления в банки.
А в июле рвались дикарями на юг:
кто в купе, кто в плацкарте, кто в танке.

Так и едешь, бывало, по голой степи,
затыкаешь соседа за пояс:
«Потерпи, – повторяешь ему, – потерпи,
не теплушка, а фирменный поезд
комфортабельный нам предлагает уют.
И не требуй другого комфорта,
а не то наш состав по пути развернут
и отправят на линию фронта...»

Вот и мы с тобой дошли до точки,
только всё равно не унывай.
Помнишь, танцевали у Опочки
по дороге в чудный Шауляй?

В Шауляе жили недотроги,
я ещё считался выездным.
Ах, Опочка, город по дороге,
почему ты сделался родным?

Помню неизвестный голос зычный –
кто-то разговаривал с отцом:
папа первый паспорт заграничный
тыкал пограничнику в лицо.

А потом мы весело катили
к Балтике холодной и сырой.
Градский пел «как молоды мы были» –
это про две тысячи второй.

Есть на карте памятные точки,
где уже не будешь никогда,
если оттолкнёшься от Опочки,
то увидишь эти города.

Разное предсказывала Ванга,
только предсказаньям вышел срок.
До сих пор у города Паланга
мы лежим зарытые в песок.

Проходят заданные сроки,
а на дворе жестокий век.
Но Путин всё же не жестокий –
он очень добрый человек.

Ему бы надо быть пожестче:
сменить печенье на бичи.
Казалось бы, чего уж проще,
возьми – и деспота включи.

Начни по-лютому тиранить,
как Поликрат или Нерон,
ведь человек уже на грани –
давно диктата жаждет он.

Но не в России отморозки,
а там, где редко сыпет снег.
Владимир Путин – он не жёсткий,
а очень мягкий человек.

Уже у власти четверть века,
а мы за то его клянём,
что терпеливей человека
не обнаружишь днём с огнём.

Спасибо, Ленинградопiтер,
за то, что в эти времена
у нас такой чудесный лидер
и очень чуткая страна.

Когда кругом такие пляски,
Что, кажется, всему конец,
пора вернуться к старой сказке,
где у народов есть отец.

Сквозь нашу нынешнюю призму,
как через тусклое стекло,
мы видим, что капитализму
исчезнуть время подошло.

И нам не нужен театральный
царь, император и генсек:
мы знаем, Путин – либеральный,
но и советский человек.

Нам не Малюты, не Орловы,
не аппаратчики нужны,
а те, кто в будущем готовы
идти на жертвы для страны.

Повсюду мнимая свобода
и в ней живут десятки стран,
но только Путин – глас народа,
а не диктатор и тиран.

От Амстердама до Оттавы
мир абсолютно погрешим,
и лишь в России не кровавый,
а добрый путинский режим.

И хорошо, что мы с войсками
(Ракетой «Ярс» системы ПРО) –
добро должно быть с кулаками,
чтоб не обидели добро.

Но ты запомни эти строки
и заруби себе навек:
Владимир Путин – не жестокий,
а очень добрый человек.

В. М.

Подснежные подсолнухи
На склоне января
Придумывают олухи
Небесного царя.

Откуда этим олухам
Известно, что весной
Удобен будет порохом
Пейзаж лесостепной?

Уже на небе всполохи
И дымные клубы,
А, значит, эти олухи
Не так уж и глупы.

Подсолнечное творчество
На святочный мороз
Похоже на пророчество
И точечный прогноз.

Взволнованные олухи,
Опережая птиц,
Несут на небо ворохи
Исписанных страниц.

В небесной канцелярии
Густой табачный дым –
Мараются сценарии
Стеклографом простым.

Прислушиваясь к олухам,
Молчит олуховед,
И канцелярским шорохом
Наполнен кабинет.

Стоят, волнуясь, олухи,
Не смеют и моргать.
Подснежные подсолнухи
Заносятся в тетрадь.

Хотелось только творчества,
Без славы и шумих,
Но всё-таки пророчества
Случаются у них.

А сколько этих олухов
У Бога под рукой:
И Пушкин там, и Шолохов,
И даже мы с тобой!

Атеизма нет без веры –
Бог не может без России:
красный галстук пионеры
вместо крестика носили.
Кто не верит в пропаганду,
те обманываться рады.
Бог доверил Александру
строки «Гавриилиа́ды».

А помазанник высокий
прочитал с утра пораньше
эти пушкинские строки –
и сослать куда подальше
был готов его за это,
но не стал опять по новой
в ссылку отправлять поэта –
он ведь только из Молдовы.

Пушкин не был пионером
и уж точно атеистом,
но, однако, стал примером
всем на свете коммунистам.
Ведь не может быть России
без поэтов и без веры:
вместо крестика носили
красный галстук пионеры.

Видал сосун шампуня «Вош энд гоу»
и до сих пор развидеть не могу.
До смерти это пенистое шоу
флешбеком будет вспыхивать в мозгу.

Кто знает, тот поймёт. Но как совпало,
что в доме был развал и за окном
последствия глобального развала?
Короче, как в рекламе, два в одном.

Родители в разводе: дети с папой,
а маму, что ни делай, не спасти.
И только телевизор тихой сапой
воспитывает, господи прости.

Я всё забыл: себя, страну и маму.
На этом месте – чёрная дыра.
Запомнил только пошлую рекламу,
пришедшую ко мне из-за бугра...

*Друзьям
из отдельного
отряда БПЛА
«Буревестник»*

Кто сеет ветер,
пожнёт бурю...
Ос. 8:7

Война идёт на небе,
А люди на земле
Разглядывают степи,
Лежащие во мгле.

Оскомина, привычка –
Текущая война.
Летит степная птичка,
Но птичка ли она?

Не жаворонков песни,
Не выкрики орла –
Летает «Буревестник» –
Отряд БПЛА.

Пока ты в полудрёме,
У птички много дел –
Она всегда на стрёме,
Чтоб враг не разглядел.

Она всегда в ответе
За мирных горожан.
А кто посеет ветер,
Получит ураган.

И ночью, хоть ты тресни,
Чтоб Родина спала,
Летает «Буревестник» –
Отряд БПЛА.

Кто прямо, кто окольно,
А кто наискосок,
Но каждый добровольно
Пришёл на передок –

В измученные степи,
Лежащие во мгле,
Вести войну на небе
За счастье на земле.

И до победной песни
У общего стола
В отряде «Буревестник»
Летят БПЛА.

Тебя пугали много лет,
рассказывая байки склепа,
а Сталина давно уж нет.
Бояться Сталина нелепо.

Ты прочитал XX съезд
и ужаснула стенограмма?
Тиран тебя уже не съест.
Не бойся Сталина ни грамма.

Будь ты обычный сисадмин
или таксист под маркой «убер»,
трястись от страха нет причин,
поскольку Сталин просто умер.

И даже если ты в Кремле,
бояться Сталина не надо,
ведь он уже кипит в котле
на дне какого-нибудь ада.

Давно случился тот момент,
когда ушёл от нас безбожник.
И если ты интеллигент:
поэт, актёр или художник –

не бойся Сталина, ведь он
уже давно лежит в могиле.
Пускай приходят на поклон
все те, кто Сталина любили.

А ты не бойся и смотри
туда, где солнышко садится:
там проживают упыри
и те, кто Сталина боится.

Не верю хитрому обману
иезуитского врага,
но верю юному шаману,
поющему из утюга.

Мир поднебесный недоступен
тому, кто мается пока,
но лишь шаман ударит в бубен –
и я лечу за облака.

Там голос пращуров далёких,
что в поле брани полегли,
поёт таинственные строки
о связи неба и земли.

Там лес шумит и бьётся море
о берег Родины моей,
и дым Отечества не горек,
а сладок, сладок – хоть убей

меня на этом поле брани,
где чернозём на вкус – халва,
и небо выше, чем в романе
писателя Толстого Льва.

В каждом встречном-поперечном
встретишь рай и встретишь ад,
но всегда пиши о вечном,
оставаясь как бы «над».
Всё земное вырви с корнем,
не кричи на злобу дня.
Ты – поэт, пиши о горнем,
ни к чему тебе возня.
На земле сплошные распри,
абстрагируйся от них.
Поезжай на форум АСПИ,
напиши высокий стих
о прекрасной нимфалиде –
однодневном мотыльке.
Пусть предстанет в лучшем виде
мотылёк в твоей строке.
В стороне от круговерти
вознесёшься в мир иной
и расскажешь нам о смерти,
быстротечности земной.

Доверяя Каллиопе,
заберёшься на Парнас.
Выше, чем солдат в окопе,
умирающий за нас...

Отдайте море древним грекам,
а нам оставьте сотню рек –
мы доплывём по этим рекам
туда, где не был древний грек.
На кораблях краснеют стяги –
серпа и молота союз.
Мы – православные варяги –
плывём «под сенью дружных муз»,
которых выкрали в походе
у древнегреческих богов.
Плывём на корабле-заводе
по производству облаков.
Нет, мы не зевсы, мы другие,
и этих муз не стали б красть...
Но для чего они, нагие,
повсюду нам внушали страсть?
Мы оправдаем наши кражи,
отмолим страшные грехи:
построим музам эрмитажи
и сочиним про них стихи.

Зачем им жить среди гомеров
на полувывжженной земле?
Пускай рожают пионеров
на нашем – русском корабле.
Пускай живут, не зная горя,
у берегов большой реки.
А греки пусть живут у моря,
не заплывая за буйки.

На саммит Африки и России,
который прошёл недавно,
Гумилёва не пригласили,
а Пушкина и подавно.

В Нигере правила неразбериха –
там затевали крамолу,
а в Петербурге всё было тихо
и строго по протоколу.

Но один человек на саммите,
не испугавшись штрафа,
взял и прочёл по памяти
стихотворение про жирафа.

Это случилось подобно снегу,
выпавшему в Танзании.
Бросились все целовать коллегу
прямо на заседании.

Жали его трудовую руку
(неважно, какого цвета),
а потом говорили друг другу,
что впервые видят поэта.

Он, от такого внимания млея,
почувствовал вкус успеха
и прочитал наизусть «Бармалея»,
чем вызвал немало смеха.

Короче, саммит вышел весёлый:
смеялись и били баклуши.
А в Нигере после крамолы
стало намного лучше.

Уезжая обратно в Африку,
плакали только зулусы.
Мы им подарили по шарфику,
они нам – цветные бусы.

А вот слова Любовь Витальны,
уже дожившей до седин:
«Стихи бывают актуальны,
когда их пишет гражданин».

Она сама не поэтесса –
герой советского труда,
но не скрывала интереса
к литературе никогда.

Весь день горела у горнила,
а ночью Тютчева взхлёб
читала вслух и говорила:
«Поэт – трудяга, а не сноб».

Все те, кто жил уже в ХХ,
нам подтвердят наверняка:
он был не лучшим дипломатом,
но стал поэтом на века.

Где Тютчев и Любовь Витальна?
Попробуй их уравновесь.
Она ведь тоже гениальна,
хотя и позабыта здесь...

Я только доброе несу,
но говорю: недаром
утюжат лесополосу
под Часов Яром.

Я мирный житель, как и все,
стоящие в сторонке,
но в этой лесополосе
сидят подонки.

Я сам себя учил прощать,
но только эта свора
меня мечтает запугать
путём террора.

У страха велики глаза,
но посмотрите в оба:
не страх, не просьба, не слеза –
там гнев и злоба.

И я сегодня не готов
к нагорным разговорам –
благословляет Саваоф
на бой с террором.

Во имя света и добра,
любви и счастья в мире
пришла законная пора
мочить в сортире.

Какую тему ни бери,
а всё равно придёшь к Донбассу,
поэтому себе не ври –
начни писать об этом сразу.
Стоит плешивый террикон
и терпит солнышко июля.
А чуть поодаль полигон,
и от него шальная пуля
летит к искусственной горе,
вот-вот в неё уткнётся носом.
Я о любви и о добре,
о солнышке рыжеволосом,
о тёмно-синей вышине,
ста градусах по Фаренгейту,
о том, как слышно в тишине
степного жаворонка флейту.
Как хочешь это назови.
Пускай я буду зет-поэтом.
Я о добре и о любви.
Все мои помыслы об этом.

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Сорокин Роман Валерьевич

СТИХИ